

Ката- логу	Чтение С. Штеттлэ	Восстановление легенды	Аннотации и примечания
415	Ερμιο [ερατιος]	Ερμιο(ερατιος)	Клеймо ретроградное; Анохин, 1999, №27; Гайдукевич, 1935, № 20.
416	Αρχο[ντος]	Αρχ[οντος]	Анохин, 1999, №143; Шкорпил, 1911, С.34, рис.1.
418	Υπαίτω[ντος]	Υπαίτω[ντος]	Анохин, 1999, №63; Гайдукевич, 1935, № 42. В.А.Анохин восстанавливал имя Κοίρανος.
420	[Α]εω [δικος]	ΛΕΩ (Анохин, 1999, №74; Гайдукевич, 1935, № 46. В.А.Анохин восстанавливал имя Λεωκράτης
421	[Α]εω [δικος]	ZΩ)	Клеймо ретроградное; Анохин, 1999, №33; Гайдукевич, 1935, № 31. В.А.Анохин восстанавливал имя Ζωίλος.
423	Μο [ντος]	ΙΟ	Анохин, 1999, №47; Гайдукевич, 1935, № 34.
424	Γ'Ορ [χάτου]	Ορχάτου	Анохин, 1999, №146; Гайдукевич, 1935, № 65.
425	Πα[ρταίδου]	ΑΠ	Клеймо ретроградное; Анохин, 1999, №9; Гайдукевич, 1935, № 5. В.А.Анохин восстанавливал 'Αλοϋ...
428	Σάτ[υρος]	Σάτ(υρος)	Анохин, 1999, №105; Гайдукевич, 1935, № 77.
429	Σ[παρτόκου]	Σπαρ(τοκος)	Анохин, 1999, №111; Гайдукевич, 1935, №81.
434	Τι [μοσθενης]	ΤΙ)	Анохин, 1999, №114; Гайдукевич, 1935, № 88.
435	Π[...]	Γ'Ι[ππο(v)]	Анохин, 1999, №56; Веселов, 1962, № 21.
436	[...]ω[...]	[(Z)Ω]	Клеймо ретроградное; Анохин, 1999, №34; Веселов, 1962, № 26.
440		ΤΥΜ (μονογραμμα)	Анохин, 1999, №119; Веселов, 1962, № 5. С. Штеттлэ считало это клеймо матрицей римского времени.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА (Некоторые проблемы и итоги исследований)

Целью этой статьи является подведение некоторых итогов относительно непродолжительного, но весьма интенсивного изучения сельской территории европейского Боспора в период, последовавший за последней достаточно полной публикацией по данной тематике¹.

Выбранное название, на наш взгляд, нуждается в пояснении. **Во-первых**, поскольку обычно соответствующий археологический материал рассматривается в определенных пространственно-временных рамках, мы обязаны сохранить в нем упоминание о Боспорском государстве. Между тем, не всегда весь Восточный Крым входил в состав этого образования. Были периоды, когда границы Боспора простирались много западнее, но случалось, что они отодвигались к востоку или вообще твердо не фиксировались. В последнее время появляется все больше материалов, подтверждающие как те, так и другие изменения. Скорее всего, максимальные и должным образом оформленные пограничные рубежи проходили несколько западнее современного Старого Крыма (по линии: устье нынешней речки Чурук-Су, впадающей в Сивашское озеро, в древности, возможно, залив Азовского моря; некий вал, тянувшийся от нее через Старокрымскую долину с севера на юг до склонов горы Агармыш; затем укрепление на горе Яман-Таш, а также вероятно, Бор-Кая и Сары-Кая и далее, через перевалы, к прибрежной крепости у с. Веселое в Кузлацкой бухте)². Отсюда известная субъективность в выборе конкретных объектов и территорий исследований, хотя, в целом, на данном пространстве безусловно прослеживается связь между датировкой и локализацией поселений.

Во-вторых, понятия "сельская территория" (хора) и сельские поселения весьма условны и сами по себе, и в совокупности. Их употребления уместны лишь в контексте

¹ Хотя монография автора "Эллинская хора на краю Ойкумены" вышла в свет в 1998 г., она, естественно, готовилась раньше и не смогла вобрать в себя все новые археологические материалы, появившиеся в самые последние годы.

² Такого мнения, и небезосновательно, придерживаются по крайней мере некоторые местные археологи и краеведы [Катюшин 1998, с. 24-28; Гаврилов 2000, с. 28-29]. Впрочем, аналогичное предположение высказывалось и ранее [Кругликова 1974, с. 14-15].

противопоставления городской территории, городам, как особой (наиболее сложной) форме организации среды обитания. При этом связь последних с античной культурой (особенно для данного времени и места) не просто очевидна, а безусловна. По отношению к сопредельной с Боспором варварской территории пользоваться этой терминологией, строго говоря, вообще бессмысленно, поскольку устроенного по иному "пространства" (т.е. городов) там просто не существовало. (Впрочем, здесь возможны и оговорки касающиеся так называемых древних протогородов, например: Бельского городища – Гелона, Неаполя Скифского, загадочного Лабрита – Семибратнего городища.) О многозначности же термина "хора" всем хорошо известно.

В-третьих, применительно собственно к Боспору и его населению (в основном – боспорским грекам) отмеченное противопоставление очевидно не всегда имело место. Иными словами, по видимому, справедливо мнение, что боспорский город это определенная стадия в развитии некоторых местных греческих населенных пунктов. Возникнув в ходе докатившихся сюда волн (этапов) Великой Греческой колонизации, они, в отличие от Западного Средиземноморья, в течение какого-то времени, по крайней мере по своему облику, являлись скорее поселениями сельского типа. Это вместе с тем не мешало им быть полисами в смысле социальной организации общины первопоселенцев. Становление боспорского города, как локального производственно-административного центра с определенным уровнем домостроительства, спецификой планировки, благоустройства, особыми общественными и оборонительными сооружениями и, как следствие, обособленности от прочей окружающей среды (территории) – это более или менее длительный процесс³. До этого, в сущности, всякое раннее греческое поселение в Восточном Крыму можно, видимо, рассматривать, как сельское, тем более, что основным занятием его обитателей, обеспечивавшим их существование и "воспроизводство" было сельское хозяйство. Ведь они (эллины) отправлялись сюда, как известно, просто жить на новом месте [Кошеленко, Кузнецов 1992, с. 24-25]. Разумеется, все это верно, если речь не идет о временных торговых факториях, эмпориях и т.п. Вопрос об их существовании и археологической конкретике чрезвычайно сложен и запутан, и мы не станем касаться его в предлагаемом изложении. Тем не менее, можно допустить, что даже такие временные, или сезонные поселения имели свои сельские угодья. Относительно же облика первопоселений, нельзя в данной связи не упомянуть о существующей полемике сторонников и противников так называемой земляночной стадии в "городском домостроении" (последнее словосочетание не случайно поставлено нами в кавычки). Действительно, при всех оговорках и соответствующей аргументации точек зрения, проблема землянок, вернее некий феномен в Северопричерноморской археологии, продолжает существовать и по-разному интерпретироваться. Скажем сразу: в целом, мы разделяем точку зрения, наиболее полно изложенную В.Д.Кузнецовым [Кузнецов 1995, с. 99-126]. Как бы ни было велико число ранних земляночных конструкций на месте древнейших боспорских городов (а их, кстати, достоверно не выявлено при раскопках городов, появившихся

³ Из последних по времени работ по этой тематике упомянем серию статей Ю.А.Виноградова [Виноградов 1999, с. 121-122].

несколько позднее: Китея, Акры, Фанагории. Пока? Или это не случайно?), согласиться с тем, что эллины, пусть даже и беднейшие из переселенцев, в течение нескольких десятилетий жили в такого рода постройках невозможно. Невозможно для всякого, кто представляет себе даже современный керченский подвал или вернее погреб. Думается, все или почти все так называемые жилые землянки таковыми, в сущности, не были. Это скорее действительно долговременные погреба. Что же касается отсутствия должных следов подлинного наземного домостроения, то, помимо прочего (т.е. того, о чем уже неоднократно писалось и говорилось всеми исследователями, "скептического направления"), предположим еще и следующее обстоятельство. Допустим, что значительная часть относительно долговременных построек первопоселений возводилась из дерева. Это вовсе не противоречит современным представлениям о природном ландшафте Керченского полуострова, не говоря уж о противоположной стороне пролива. Конечно, больших площадей дубовых рощ здесь, скорее всего, не было. Но какие-то вполне пригодные и использовавшиеся в течение нескольких десятилетий лесные массивы тут могли существовать⁴. Некоторые косвенные наблюдения и свидетельства, в том числе и касающиеся палеоклиматических факторов (большая влажность и более суровые зимы в зоне пролива именно в VI-V вв. до н.э.), как будто бы это подтверждают. Такие дома явно были теплее, да и соответствующая строительная традиция у греков, без сомнения, также существовала. Разобранные или сгоревшие потом, они не оставили следов. А вот остатки погребов при них сохранились. (Конечно, автор в полной мере понимает и свою не оригинальность и умозрительность сказанного выше).

В-четвертых, исходя из всей суммы имеющихся археологических данных, приходится признать, что никаких иных поселений, кроме греческих, в Восточном Крыму первоначально, то есть в начале – третьей четверти VI в. до н.э. вообще не было. Ведь до сих пор здесь не обнаружено следов синхронных им или непосредственно предшествовавших варварских населенных пунктов. Соответствующая хронологическая лакуна измеряется, как минимум, несколькими столетиями (по-прежнему, самыми поздними являются слои на Кировском поселении, датированные в свое время А.М.Лесковым IX – началом VIII вв. до н.э.) В этой связи необходимо оценить немногочисленные находки относительно ранней (последняя четверть VI – первые четверти V вв. до н.э.) керамики, почти сплошь представленной амфорными обломками, топография которых медленно, но неуклонно расширяется. При этом речь идет не о всех, а только о более или менее удаленных от побережья пунктах. Создается впечатление, что они "привязаны" к источникам пресной воды. По всей видимости, это сезонные стойбища местных кочевников-варваров, но не исключены и другие более экзотические варианты. Такие например, как следы своего рода этно-культурных "меток, тризн" на древних курганах или иных заметных, либо примечательных местах. Этнография знает примеры таких действий при освоении пришлым населением новых территорий обитания. К тому же история скифов, а тем более других туземных варваров

⁴ Поскольку после Н.И.Сокольского этим вопросом специально никто не занимается, мы апеллируем здесь к его мнению [Сокольский 1971, с. 21-25].

в это время нам известна весьма смутно.

В-пятых, необходимо также сказать, что только сельскими поселениями археологические памятники хоры, в данном случае Европейского Боспора, не исчерпываются. Это, конечно, прежде всего, разнообразные и разновременные могильники и некрополи. Оба эти термина сознательно приводятся рядом, как бы противопоставляя соответствующие памятники, связанные с греческим и варварскими этносами, хотя такое деление даже для раннего периода (VI-I вв. до н.э.) в достаточной степени условно. Тем не менее, нельзя не отметить, что и территориально, и по иным соответствующим характеристикам оно в это время все же вполне правомерно. Зато в более поздний период эта разница почти вовсе исчезает, хотя отдельные различные черты и элементы обряда в пределах каждого из памятников прослеживаются достаточно уверенно.

В этой же связи мы бы назвали также остатки земляных оборонительных и пограничных сооружений, издавна существовавших в Крыму. Последние изыскания в этой области показывают, что их число не исчерпывается давно и относительно хорошо известными объектами (Узунларский и Тиритакский валы). В настоящее время на Керченском полуострове выявлено и археологически подтверждено существование не менее десяти-одиннадцати таких памятников. Причем, в отношении изученности даже вышеуказанных, не случайно употреблено слово "относительно". По-прежнему, их стратиграфия, топография, некоторые конструктивные особенности, а главное: датировка и предназначение во многом остаются неясными. Вместе с тем, кое-что, кажется, начинает выявляться, хотя подводить даже первые итоги их комплексного изучения силами ВКАЭ пока считаю преждевременным. Заметим лишь, что они явно разновременные и отражают различный уровень развития, вернее соответствующих возможностей и организации местных древних обществ, вероятно, какие-то этапы его истории, и не только в античную эпоху. Само географическое положение полуострова делало его и важным промежуточным звеном на путях миграций, походов и разнообразных контактов, и при соответствующих условиях, столь же труднопреодолимым (и последним) препятствием. Не случайно практически все эти постройки были рассчитаны на отражение угрозы с запада (во всех случаях рвы предшествовали валам именно с запада или реже – юга, юго-запада).

Особая группа памятников – сельские святилища самого разного вида и принадлежности. Еще относительно недавно об их существовании здесь можно было только догадываться. В отличие от Таманского полуострова непосредственных письменных свидетельств (эпиграфических либо иных) не было. Теперь ясно, что они имелись не только как бы внутри поселений, но и обособленно, в некотором от них удалении. Создается впечатление, что по крайней мере в позднеэллинистический и "римский" периоды такие святилища располагались на приметных вершинах, вблизи практически всех более или менее крупных поселений, вернее городищ. Полностью или в значительной степени раскопано уже четыре таких объекта и вполне вероятно наличие еще нескольких. При разнообразии тех или иных деталей и, естественно, степени сохранности можно все же выделить ряд общих черт. Не касаясь их подробно,

скажем только, что, видимо, будем недалеко от истины связав их с традиционными эллинскими культами Великих женских божеств и празднествами, близкими к кругу столь знаменитых сколь же и загадочных элевсинских мистерий. Вместе с тем, некоторые святилища на вершинах являлись, вероятно, и своего рода внутренними пограничными "метками" разного рода земельных владений. Другие могли обслуживать нужды сразу нескольких местных общин. Есть наблюдения, говорящие как будто бы и о наличии святилищ иного рода: связанных с божествами и обрядами в основном хтонического свойства. Наверняка, не все они были достаточно презентабельными. От некоторых могли уцелеть лишь небольшие скопления черепков или золы, могущих и не привлечь к себе специального внимания.

Далее упомянем явно древние колодцы, следы дорог, пристаней и переправ. Успехи археологии тут пока весьма скромные. И тем не менее, коснемся и этих объектов.

Многолетними разведками на Азовском побережье выявлено около полутора десятков ныне совершенно заброшенных или очень слабо используемых колодцев. Как правило, они располагаются в нескольких десятках метров от береговой черты, частично вырыты в грунте, частично высечены в скальных породах. Это или достаточно узкие (диаметром до 0,5 м) ямы, или несколько более широкие, полностью либо частично обложенные камнем отверстия округлые или прямоугольные в плане. Глубина колодцев колеблется от двух-трех до десяти метров. Разумеется, с полной уверенностью утверждать, что все они использовались уже в античности нельзя. Лишь в некоторых в настоящее время имеется вода, пригодная для питья. Однако обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все они (иногда по два-три в одной бухте) расположены вблизи достаточно крупных городищ первых веков н.э. Есть примеры и археологически раскопанных, хотя и не действующих ныне колодцев на памятниках разного времени (Героевка I, Салачик, Илурат). Эти объекты, как и остатки древних молот, уже привлекали к себе внимание исследователей, занимавшихся изучением динамики уровня морей и пролива вблизи боспорских берегов [Никонов 1998, с. 57-65; Паромов 1999, с. 89-90]. Очевидно, что от нормального функционирования этих водных источников зависело многое в истории местного населения. Более того, серьезные изменения, повлекшие высыхание колодцев (например, после катастрофических землетрясений) заставляли людей покидать те или иные места обитания. Данное обстоятельство, видимо, также надо иметь в виду при тех или иных исторических реконструкциях.

Еще менее определенны наши знания о древних портовых сооружениях на рассматриваемой территории. Теоретически, таковые на прибрежных поселениях должны были существовать. Это прежде всего молы и пристани, хотя никто точно не знает, как они должны были выглядеть. Несколько приводимых в данном случае примеров (участок некой стены у Киммерика, мыс Зюк, мыс Казантип, берег Казантипского залива близ с. Золотое) требуют дополнительного обследования и могут оказаться либо чем-то иным, либо принадлежать другому времени.

О древних переправах, прежде всего через современный Керченский пролив, в

последнее время написано несколько новых работ⁵. Совершенно очевидно, что их было не менее трех. Конечно, особенно со временем (а также в определенные времена года), они представляли собой весьма оживленные места. Но и здесь многое зависело от реального режима пролива, т.е. чисто климатических факторов. До сих пор спорно, существовал ли в историческую эпоху, там более в античное время, здесь брод, давший название самому проливу. В сущности, начальные пункты этих путей сообщения находились как бы вне черты городов и опять-таки теоретически, тут должны были скопиться некие археологические артефакты, поиском которых никто не занимался. Впрочем, в силу естественных причин они могли и не сохраниться вовсе.

Почти совершенно ничего не известно нам о древних дорогах. Кроме разумеется того, что таковые наверняка существовали. Это подтверждается эпиграфикой⁶ и отчасти данными аэрофотосъемки. Тщательной проверки последних также никто не проводил. Вряд ли следует ожидать на этой достаточно удаленной античной периферии сколь либо капитальных построек типа римских дорог. Но некоторые предположения на этот счет, исходя из топографии сельских поселений, особенно первых веков н.э., сделать все же можно [Зубарев, Масленников 1987, с. 44-45].

В этой связи следует упомянуть о маяках, сторожевых и дозорных пунктах или иных аналогичных обособленных строениях. Примеры такого рода башен вблизи сельских усадеб эллинистического времени, а равно и маленьких фортов, расположенных по крайней мере вдоль некоторых пограничных линий, известны. Здесь мы имеем в виду, прежде всего, так называемые башни близ Узунларского вала [Масленников 1994, с. 176-177]⁷. Весьма вероятно наличие аналогичных строений и около южного участка вала через Ак-Монойский перешеек⁸. Напомним, что это все же вполне самостоятельные объекты.

В самое последнее время археологическими раскопками обнаружены относительно небольшие памятники, которые, скорее всего, являлись обособленными, чисто производственными комплексами. Естественно, они располагались не столь далеко от крупных усадеб или иных жилых центров. Мы вправе были бы упомянуть здесь карьеры и древние выработки (не только камня, но железной руды, серы). Но хотя существование первых – бесспорно, убедительных доказательств именно античной принадлежности части выработок или штолен знаменитых Восточно-

⁵ Сопоставим здесь, пожалуй, на самую обстоятельную, хотя и не во всем бесспорную статью видного крымского антиковеда Н.Ф.Федосеева [Федосеев 1999, с. 61-82].

⁶ Имеется в виду некая "варварская дорога", упомянутая в одном из эпиграфических фрагментов, скорее всего отражающего ситуацию в окрестностях Пантикапея-Керчи в II-III вв. н.э. [КБН, № 837, с. 466]. В этой же связи нельзя не вспомнить старое свидетельство И.Безкровного о следах какой-то, якобы древней дороги, шедшей от боспорской столицы к восточному берегу Казантипского залива [Безкровный, с. 445]. Примерно здесь на нескольких аэрофотоснимках заметно нечто, вполне могущее оказаться таким объектом.

⁷ Полностью аналогичная, но лучшей сохранности постройка была раскопана ВКАЭ и в 2000 г., но вблизи северного участка этого вала. В целом одинаков и абсолютно синхронен и весь сопутствовавший материал.

⁸ Напомним, что академик П.С.Паллас, проезжая по Восточному Крыму, пересек какой-то вал, пролежавший по Ак-Монойскому перешейку в относительной близости от Феодосии. Именно здесь он и мог видеть развалины описанных им башен [Паллас 1883, с. 50-51].

Крымских каменоломен, в том числе и в достаточно удаленных местах (район г. Олух и озера Чокрак) до сих пор никто не привел. Поэтому мы можем более или менее уверенно говорить лишь о единственном пока таком примере, однако чисто винодельческой направленности ("Пустынный берег II", раскопки ВКАЭ в 1999-2000 гг.).

Кроме того, на полуострове существуют довольно многочисленные свидетельства старинных землеустроительных работ. И здесь следует отличать валы – ограды земельных наделов и участки искусственных террас. Последние хорошо известны во многих бухтах восточной части Крымского Приазовья, где они располагаются по склонам, как бы вдоль направления береговой линии. Скорее всего, они помимо прочего, выполняли и роль своеобразных конденсаторов влаги на полях. Их датировка подчас неопределенна, но античное время не только предпочтительно, но и как будто бы доказывается недавними раскопками. Нечто подобное, впрочем, имело место и на относительно удаленных от моря степных, пологих склонах (разведки Артезианского отряда Н.И.Винокурова).

Гораздо сложнее и неоднозначнее обстоит дело с поиском остатков клеров. С большой долей вероятности можно говорить об их существовании, по крайней мере в эллинистический период, на хоре Нимфея. Очень осторожно приходится упоминать в этой связи сельскую округу Пантикапея [Кругликова 1974, с. 55-57, 60; Зинько 1996, с. 16]. Не исключено, что в первых веках н.э. близлежащая к прибрежным азовским городищам территория дальней хоры также была размежевана [Безрученко, Масленников 1991, с. 37-45]. Но, думается, их суть, вернее правовые нормы, стоявшие за этим, были вовсе не теми же самыми, что в случае с наделами граждан мало-мальски типичного полиса. Скорее всего, мы имеем здесь дело со следами так называемого условного землевладения, или землепользования (военные поселенцы на царских землях). Чрезвычайно любопытные результаты дает анализ аэрофотосъемки района непосредственно к востоку от мыса Чауда. Здесь вроде бы должна сохраниться очень тщательная размежевка большими, почти квадратными участками, стороны которых ориентированы по сторонам света. Площадь их (кроме, естественно, прибрежных), видимо, составляет 10-11 га. Следов усадеб не видно. Проверка этих сведений на месте пока невозможна, но в случае их подтверждения, мы будем иметь дело, скорее всего, с восточным районом дальней хоры Феодосии, причем "обустроенном" самым классическим образом. Может быть, даже близлежащее селение Казека играло здесь ту же роль феодосийских "выселок", что и известная Прекрасная гавань херсонеситов в эпоху их господства над этим пунктом. Впрочем, самые ранние находки на месте этого поселения относятся к IV-III вв. до н.э. Но все это пока не более чем гипотеза. На основной территории дальней (царской) хоры Боспора в ту же эпоху, по-видимому, не следует ожидать остатков типичных клеров, кетати, одного из явных признаков полисного статуса того или иного городского центра (наряду с обычно приводимыми в таких случаях аргументами: автономным монетным чеканом, эпиграфическими документами и т.п.). Зато здесь как будто бы удалось выделить археологические свидетельства огородничества и, конечно, виноградарства (особые грядки и траншеи, вероятно, заполнявшиеся перегноем; навалы из камней, образующие защитные стены

на виноградниках, и т.п.). По крайней мере, нечто подобное было открыто магниторазведкой и отчасти раскопано на северо-западе длинного мыса, вдающегося с юга в Чокракское озеро. Вблизи располагалась известная усадьба с монументальным зданием, датируемая IV-I вв. до н.э. [Масленников 1998, с. 16-50]⁹.

Наконец, в последнее время в ряде мест Караларского побережья обнаружены объекты, точная интерпретация которых пока затруднительна. Тем не менее, это подчас весьма солидные строительные остатки (например участок стены шириной более 2 м и длиной не менее 12 м, при наличии слабовыраженного культурного слоя, кажется III-I вв. до н.э.). На небольшом скалистом прибрежном холме с крутыми склонами, где они находятся, сейчас практически нет места для иных строений (мыс "Безымянный"). Не остатки ли это почти совершенно разрушенных береговой абразией городищ, тем более, что таких памятников известно не менее трех? Однако сомнения специалистов [Клюкин 1998, с. 111-116] и наши многолетние наблюдения над сохранностью местных городищ заставляют отнести к такому предположению с максимальной осторожностью.

Естественно, в рамках данной работы невозможно остановиться на всем этом одинаково подробно. Да и степень изученности всех перечисленных объектов еще в целом недостаточная. Поэтому, ограничимся при дальнейшем изложении главным образом собственно сельскими поселениями. И здесь (в-шестых) важно условиться о терминологии.

Археологическое понятие "поселения", как уже приходилось отмечать, очень емкое, включающее в себя практически все, что связано с местами более или менее постоянного обитания человека. Отсюда следуют необходимые, хотя и в достаточной степени субъективные уточнения. Для рассматриваемого времени и места среди археологических памятников, как бы в порядке усложнения их планировки и характера культурных напластований, можно выделить следующие разновидности (типы) поселений. (Иными словами, мы предлагаем ниже, как нам кажется, более адекватную современному состоянию изучения хоры типологию поселений и анализ некоторых аспектов данной проблематики).

1. Объекты, не являвшиеся некрополями, святилищами и т.п., но лишенные определенно выраженного культурного слоя и строительных остатков и представляющие собой лишь местонахождения фрагментов керамики, костей, а иногда более редких находок.
2. Относительно небольшие по площади, изолированные памятники различной степени археологической сложности. Это могли быть отдельные жилищно-хозяйственные комплексы-хутора, оборонительные постройки, маяки.
3. Типичные селища, т.е. достаточно обширные по площади, хотя и с нечетко выраженными границами распространения неравномерно распределенного культурного слоя и строительных остатков. Внешние оборонительные постройки отсутствуют. Застройка хаотичная.

⁹ Раскопки и магниторазведки на широких площадях были продолжены и в 1995-1998 гг. Именно тогда и были выявлены упомянутые аномалии и объекты.

4. Относительно компактные, явно укрепленные населенные пункты, подчас со сложной стратиграфией культурного слоя и строительных остатков. Подобрать соответствующий термин для них, не выходя за пределы чисто формальных, поверхностных археологических характеристик, сложно.
5. Типичные городища, т.е. поселения с четкими границами укреплений (по крайней мере центральной, господствовавшей над окружающим пространством части), мощными культурными напластованиями и сложной системой застройки. Как правило, они расположены на естественных возвышенных местах, мысах и т.п. Им сопутствуют святилища, колодцы, некрополи. Правда, последние сопровождаются и иные из выделенных типов поселений, хотя и не все, и не в равной степени вернее не по одному принципу (расстояние, тип господствовавших могил, местоположение относительно поселения).

Разумеется, гораздо более сложный вопрос: возможная на данном уровне наших знаний интерпретация каждого из названных типов поселений. Иными словами – определение того, какая именно структура, тип организации жилого пространства скрывается за тем или иным видом (типом) археологического памятника. Привлечение для этого терминов, заимствованных из античной письменной традиции, далеко не всегда возможно и даже правомерно. Во всяком случае, пользоваться ими следует, видимо, очень осторожно, да и то после самого всестороннего исследования каждого конкретного поселения с учетом всех возможных историко-археологических контекстов. Тем не менее, даже выше предложенная схема как будто бы позволяет исключить некоторые противоречия прежних типологий, в том числе и предложенных автором [Масленников 1989, с. 66-78; Масленников 1998, с. 40-180].

Так, памятники, упомянутые первыми, как уже говорилось, следует рассматривать в качестве временных стоянок, стоянок, случайных либо более или менее периодически посещавшихся мест (возле водных источников, переправ, у устьев рек и т.п.).

Относительно вторых возможны самые разные варианты: сторожевые посты, башни, маленькие сельские усадьбы, уже упоминавшиеся святилища, маяки.

Третьи представляли собой места постоянного обитания относительно многочисленных групп оседлого или частично оседлого населения, поселки нескольких соседних (родственных) семей. Это "деревни" местных варваров или также и боспорских греков. В первом случае мы, видимо, можем говорить о родовых или большесемейных общинах. Во втором – о соседской общине: группе нескольких частновладельческих, загородных жилищ-хозяйств.

Четвертые, скорее всего, скрывают сложные по планировке усадебные комплексы (в иных пространственно-временных условиях к ним вполне был бы применим термин "вилла"), небольшие крепости-лагеря с сопутствовавшим "посадом".

Что же касается пятых, то это пожалуй самые многозначные, разнообразные и сложные из боспорских памятников. Это могли быть и укрепленные, особым образом спланированные греко-варварские деревни, большие крепости с предградьем, "несостоявшиеся" городки (о конкретных примерах частично будет сказано ниже). Каждый тип, и это теперь очевидно, был связан с определенной исторической эпохой

и даже, в какой-то степени, территорией. Теперь перейдем к археологической конкретике.

В целом, можно сказать, что данная территория обследована в археологическом отношении весьма полно и это позволяет надеяться на достаточную обоснованность соответствующих выводов. Добавим также, что как будто бы ныне стало общепринятым деление всей боспорской хоры условно на ближнюю (городскую) и дальнюю. Характеристика последней – не столь ясна: царская, государственная, храмовая или варварская земли. Теоретически, основываясь на письменных источниках, это предполагалось уже достаточно давно, но только успехи полевых изысканий вроде бы подтверждают такую структуру.

Итак, если некоторые из приведенных выше предварительных замечаний верны, то мы вправе ожидать, что первые собственно сельские (сопутствовавшие городам) поселения должны были появиться не сразу, а лишь какое-то время спустя после основания самих апоек. Вряд ли первоначально хора последних простиралась сколь либо далеко. Скорее наоборот: она (точнее, обрабатываемые, освоенные угодья) были вполне обозримы с агоры или акрополя такого поселка, если конечно таковые имелись. К сожалению, об особенностях структуры и истории городской хоры на рассматриваемой территории мы вообще в значительной мере можем судить лишь по окрестностям Нимфея, в какой-то степени Феодосии и еще в меньшей – Пантикапея. Но и этого не мало.

Первые сельские поселения (выселки?), видимо, совсем не случайно появились на предполагаемой городской хоре, в частности в округе Нимфея, не ранее последней трети или даже четверти VI в. до н.э. Как и следовало ожидать, число их очень невелико (в настоящий момент выявлено всего три: Героевка I и II, Южно-Чурубашское). Строения, вернее строительные остатки, самые непритязательные (ямы, землянки, части вымосток); местоположение – в прибрежной (в том числе у берега залива) зоне, не далее 6 км от полиса (в пределах прямой видимости) [Зинько 1998, с. 86-87]. Вероятно, их появление ознаменовало второй этап в истории хоры данного городка. Примечательно, что это происходит приблизительно 50-60 лет спустя после его основания [Кузнецов 1991, с. 33] и, скорее всего, как и новый этап домостроительства и планировки, связано с демографическим фактором (первое “удвоение” численности населения). Во всяком случае, такое совпадение достойно внимания.

Судя по всему, основательных, долговременных построек еще не возводили, а сами эти “поселения” скорее следует называть не усадьбами (даже самыми примитивными), а группой жилищ-убежищ, объединенных в некое подобие неукрепленной (на это еще не хватало сил) деревни с иррегулярной (хаотичной) застройкой.

Варварское происхождение их обитателей, конечно, отчасти допустимо, но с учетом находок и всего, что нам известно о местном туземном населении, менее вероятно. Есть мнение, что на рубеже первой – второй четвертей V в. до н.э. эти первые сельские поселения гибнут в пожаре [Кругликова 1974, с. 30-32; Зинько 1998, с. 89-100]. Впрочем, к такому выводу следует пока относиться весьма осторожно.

В ближайших окрестностях Феодосии поселений этого периода нет. Случайно ли это? Ведь считается, что ее основание относится примерно к тому же времени, что и Нимфея-Пантикапея [Кузнецов 1991, с. 33].

Обратимся теперь к более отдаленным, в том числе глубинным районам Восточного Крыма (выше кратко мы этого уже касались). Столь же ранние находки (последняя треть – четверть VI – первая четверть V вв. до н.э.) зафиксированы в настоящее время в следующих местах: Андреевка-южная, мыс Зюк, Чабацкая балка, мыс Такиль, Чокракский родник [Масленников 1998, с. 36-37]. Вряд ли какой-то из этих пунктов входил в зону владений даже крупнейшего из тогдашних городских центров (ближайший – мыс Зюк – отстоит от Пантикапея не менее чем на 13 км). Каждый из них, вероятно, следует интерпретировать особо. Так одни (мыс Зюк, мыс Такиль), скорее всего, связаны с процессом освоения греками акватории и побережья пролива Азовского моря. Явно не случайно, что оба они расположены на важнейших для мореплавателей, приметных местах (ориентирах): мысах, где могли находиться корабельные стоянки, святилища и соответственно – сопутствовавшие им небольшие населенные пункты.

Упомянутые находки в районе Чабацкой балки и Чокракского родника, как будто бы не сопровождаются синхронным культурным слоем и тем более строительными остатками. Несмотря на близость к морскому побережью (Азовскому и Черному) они, строго говоря, не прибрежные. А вот “привязка” их к источникам пресной воды очевидна, особенно во втором случае. То же (наличие родника) мы имеем и в отношении памятника Андреевка-южная, вернее неких слабовыраженных следов какого-то предшествовавшего античной усадьбе, вероятно, варварского поселения. Не исключено, что во всех трех последних примерах мы, как уже говорилось, имеем дело с местами временных стоянок (водопоев) местных кочевников и пастухов. Это тем более вероятно, что тем же временем датируются первые (из серии достаточно массовых) явно варварские захоронения в некоторых прибрежных и глубинных районах полуострова (каменные “ящики” Приазовья и могильник Фронтное I) [Корпусова 1972, с. 41-50; Масленников 1995].

Следующий этап в истории боспорской хоры и соответственно в эволюции сельских поселений наступает приблизительно со второй четверти V в. до н.э. или несколько позднее и длится около столетия. Однако, это очень условная хронология. Археологические реалии выглядят, кажется, сложнее, хотя в целом ярких количественных и качественных изменений вроде бы не произошло.

О характере городской хоры мы, по-прежнему, можем судить главным образом лишь по материалам округа Нимфея. Здесь восстанавливаются поселения: Героевка I и Южно-Чурубашское. На них открыты остатки нескольких небольших, очень простых в планировке домов, глинобитные стены которых стояли на каменных основаниях. Но продолжали строиться и земляночные конструкции. Выделяется солидная каменная цистерна для сбора воды на первом из них. Вдоль берега пролива существовало еще по крайней мере семь аналогичных “деревень”. Во второй половине V в. до н.э. нимфейцами осваивается район северного берега Тобечикского озера (в древности,

возможно, залива), о чем говорят следы не менее чем трех поселений (Тобечик 3, 8 и Огоньки I). Степень их исследованности крайне низкая, но ясно, что они состояли, как и раньше, из скромных, небольших жилищ. Повсеместно отмечаются разрушения конца этого века, предположительно связываемые с событиями подчинения Нимфея правителям Пантикапея. Так или иначе, но границы хоры Нимфея заметно раздвинулись к югу [Зинько 1998, с. 100-103].

Есть информация о нескольких местонахождениях обломков античной керамики первой четверти – конца V в. до н.э. в окрестностях еще одного, также в это время независимого, полиса на юго-западе Восточного Крыма – Феодосии [Гаврилов 1998, с. 105-110; Гаврилов 1999, с. 4-8]. Но были ли это действительно поселения, к какому типу они предположительно относились и кому принадлежали остается пока не ясным.

Отдельные находки фрагментов амфор, главным образом второй половины V в. до н.э. (но встречаются и второй четверти этого века) в настоящее время зафиксированы еще не менее чем на полутора десятках пунктов побережья и внутренних пространств полуострова [Масленников 1999, с. 174-175]. В большинстве случаев – либо на месте более поздних селищ-деревень и вблизи древних источников, либо в слоях IV-I вв. до н.э. на явно античных прибрежных поселениях (усадебках). Повсеместно – вне соответствующего слоя и иного археологического контекста. Скорее всего, на примере первых мы по-прежнему имеем дело с временными стойбищами кочевников-пастухов.

Сложнее интерпретировать хозяйственные ямы и отдельные находки античной посуды (в том числе чернофигурной) второй – третьей четвертей V в. до н.э. на мысу Чокракского озера, на вершине скалистого холма близ усадьбы Генеральское-западное и остатки каких-то строений и сопутствовавшего слоя в ряде мест на поселении Андреевка-южная [Кругликова 1974, с. 12-45; Масленников 1998, с. 36-40; а также раскопки ВКАЭ в 2000 г.]. Не исключено, что более или менее постоянно тут обитали скорее варвары, чем греки. Зато еще в двух пунктах (мыс Зюк, Киммерик – холм А) [Кругликова 1974, с. 28-30; Масленников 1992, с. 126-131] именно со второй четверти V в. до н.э. формируются долговременные, вполне античные по облику раскопанных строений и общей характеристике находок поселения. В силу плохой сохранности или неполной изученности их типологию определить сложно. И все же они скорее соответствовали четвертому из выделенных нами типов памятников. Во всяком случае, поселение на восточном склоне г. Опук (холм А), видимо, представляло собой вытянутый в ряд, либо даже замыкавшийся вокруг двора блок помещений. Такая планировка, как уже ни раз отмечалось, не лишена известной целесообразности и, вероятно, диктовалась самой спецификой ранних греческих поселений¹⁰. Чем являлись данные объекты: самостоятельными маленькими первопоселениями очередной (третьей?) волны греческих колонистов; обжитыми местами регулярных стоянок мореходов или “выселками” (сельскими, а также и “стратегическими”) других, более ранних и крупных поселений-городов (полисов?) (Пантикапея, Киммерика или, что менее вероятно, Нимфея) доподлинно не известно. Пример другого населенного пункта в юго-восточной части полуострова – Акры – заставляет склониться к последнему

¹⁰ См. например, так называемый архаический “Торик” [Юнайко 1980].

варианту. Здесь наиболее ранние, единичные находки также относятся к рассматриваемому периоду¹¹, а Страбон прямо указывал, что данный пункт был основан на “пантикапейской” земле [Strabo., IV] (не ясно, правда, что он имел под этим в виду).

На рубеже V-IV вв. до н.э. или немного позднее, на перечисленных прибрежных (греческих) поселениях вновь фиксируются разрушения и последующие перестройки. Так в случае с хорой Нимфея и, вероятно, Феодосии это каким-то образом было связано с полным подчинением всех греческих центров Восточного Крыма Спартокидам и сопутствовавшей этому войне с Гераклеей [Кругликова 1974, с. 32-36; Зинько 1998, с. 102-103; Гаврилов 1998, с. 110-111].

Новый, археологически очень хорошо представленный период приходится на вторую четверть IV – первую треть III вв. до н.э. Он не случайно считается временем первого расцвета боспорской хоры и характеризуется следующими основными чертами. Во-первых, обилием и разнообразием памятников, в данном случае – поселений. Во-вторых, их четким, хотя и не оформленным специальными границами, делением на две этнокультурные группы: греко-боспорские и варварско-скифские.

Памятники ближней городской хоры – это поселения третьего и в основном четвертого типа, то есть, главным образом загородные усадьбы. Их планировка, расположение на местности, характер находок и в некоторых случаях следы древних земельных наделов – говорят о том, что вблизи городов складывается типично античная система землеустройства (организации хоры). Совершенно определенно, как уже писалось выше, она зафиксирована для округа Нимфея. В меньшей степени – Пантикапея и Феодосии. Остановимся на этом подробнее. Наиболее типичны для этой группы – соответствующие слои и строения поселения Героевка I (находившегося в 5 км к югу от Нимфея). Это вполне обычная, довольно большая усадьба с угловой прямоугольной башней. От располагавшихся по периметру общего двора помещений уцелел только один ряд. Площадь каждого из помещений была около 12 м², толщина внешних стен достигала 1,7 м. Общая площадь осталась невыясненной. В середине третьей четверти IV в. до н.э. усадьба была разрушена и, восстановленная уже без укреплений, просуществовала еще около столетия. Несколько аналогичных усадеб располагались поблизости, но восточнее и в настоящее время затоплены водами пролива [Горончаровский 1996, с. 31-32].

Какая-то каменная постройка с мощным двором, вероятно, также усадебного типа, существовала в IV в. до н.э. на поселении Огоньки. Судя по соседней усадьбе (Героевка II), в этот жилищно-хозяйственный комплекс входили жилые землянки и несколько десятков ям разного назначения. Первые представляли собой четырехугольные (6,5x5,5 м) котлованы глубиной до 2,3 м, ориентированные бортами по сторонам света. Стенки землянок укреплялись глинобитной или каменной кладкой и покрыты, как и пол, глиняной обмазкой. Кровля опиралась на деревянные столбы. Ступенчатый спуск обычно вел с северной стороны. Эти жилища просуществовали

¹¹ Информация любезно предоставлена руководителем раскопок на данном поселении, сотрудником Керченского музея А.В.Куликовым.

около трети века. Другие землянки имели скорее хозяйственное назначение и были "мельче". Хозяйственные и зерновые ямы – колоколовидной или подцилиндрической формы [Зинько 1998, с. 104; Зинько 1996, с. 14-16]. Дом, раскопанный на Южно-Чурубашском поселении, состоял из трех очень небольших помещений общей площадью всего около 35 м² и являлся частью поселка [Кругликова 1974, с. 36].

Таким образом, из более чем 20 новых сельских поселений Нимфейской хоры одни являлись отдельно стоящими усадьбами, другие (например, Тобечик 9) – составляли как бы комплекс из нескольких (чаще четырех) близко стоящих усадеб, наконец, третьи – имели иную, не вполне пока ясную структуру (деревни-комы?) [Зинько 1996, с. 16-18].

3 Кое-что удалось выявить и на хоре боспорской столицы. На одном из поселений ("Госпиталь") раскопаны остатки какой-то наземной постройки и котлован одной жилой и двух хозяйственных землянок. Сохранность их плохая, но вероятно, они также принадлежали усадебному комплексу с большим внутренним двором. Еще далее, в 10 км северо-западнее Пантикапея (у с. Октябрьское) также обнаружены остатки построек и стены земельных наделов IV-III вв. до н.э., но их сохранность и степень изученности не позволяют сказать большего. Возможно, это также была группа относительно небольших усадеб [Кругликова 1974, с. 55-57; Разведки ВКАЭ в 1999 г.].

Зато другая, явно более крупная усадьба, существовавшая с конца IV до середины III вв. до н.э., раскопана почти полностью примерно в 12 км к западу от Керчи (у с. Андреевка-южная). Ее планировка сложна (группа жилых и хозяйственных помещений, группирующихся вокруг двух относительно небольших дворов). Общая площадь около 1137 м². Обилие обломков черепицы говорит о соответствующей кровле [Кругликова 1974, с. 57-88]. Других подобных строений вблизи не выявлено, да и вообще нет уверенности, что она находилась именно на городской (Пантикапейской), а не какой-то иной по своему статусу земле.

Другая "классическая" частная усадьба была раскопана в нескольких километрах к востоку – северо-востоку (между Пантикапеем и другим небольшим боспорским городом – Мирмекием). Она последовательно расширялась в восточном направлении, причем это происходило в три этапа, разделенных несколькими десятилетиями, начиная, по-видимому, с рубежа IV-III вв. до н.э. и до середины III в. до н.э. В итоге, она стала состоять как бы из трех блоков площадью соответственно: 18x24; 13x24 и 20x25 м. Каждый включал крытые черепицей одноэтажные жилые и хозяйственные помещения вместе с оградами и мощеными внутренними дворами и имел таким образом замкнутую планировку с ориентацией внешних стен по сторонам света. Рядом (к северу, западу и югу) располагались другие аналогичные усадьбы и ограды земельных наделов, а также синхронные некрополи. Таким образом, перед нами еще один своего рода "куст" сельских усадеб пантикапейской хоры. Позднее, во второй половине III – начале II вв. до н.э. облик и планировка описанных построек существенно меняются [Гайдукевич 1981, с. 55-75]¹².

¹² Иная интерпретация этих раскопанных более сорока лет назад строений была недавно предложена В.Н.Зинько [Зинько 1999, с. 133-141].

О всем, что касается загородных усадеб Феодосии, явно существовавших, но все еще слабо изученных, наши знания пока очень ограничены [Махнева 1988, с. 208-209; Гаврилов 1999, с. 6-9]. Скорее всего, они были подобны нимфейским. Попутно укажем, что число упомянутых выше наделов на мысе Чауда равно нескольким десяткам (вряд ли более 80).

В целом, несмотря на разницу в размерах и планировке, ряд существенных признаков (четкая прямолинейная планировка, достаточно высокое качество кладки и вообще строительного дела, общая характеристика находок с явным преобладанием типично античной посуды, соседство с остатками границ земельных наделов) свидетельствуют, что все это варианты обычных загородных усадеб граждан среднего достатка, находящие к тому же многочисленные аналогии в других районах греческого мира.

Исследованные объекты дальней хоры отчетливо делятся на три "группы". Принадлежащие к двум первым встречены пока только в прибрежной, северной части полуострова. По своим характеристикам это типично античные памятники. Третья группа (третий тип поселений) самая многочисленная. Составляющие ее поселения располагаются в глубине Восточного Крыма, но не далее 10-15 км западнее Феодосии и не ближе такого же расстояния от Керчи (Пантикапея).

Поселения первой группы (тип четыре) самые примечательные и, что скорее всего не случайно, их число строго ограничено. Это значительные по площади, сложные в планировке и богатые находками комплексы построек, сооруженных на достаточно высоком строительном уровне. Дадим их краткую характеристику в порядке следования с востока на запад, тем более, что в последние годы раскопки здесь продолжались [Масленников 1998, с. 46-66; Раскопки поселений Генеральское-западное, Бакланья скала и Чокракский мыс были продолжены ВКАЭ в 1997-2000 гг.]:

– "Чокракский мыс". Площадь главного здания составляет 422 м², прочих строений – не менее 1000 м².

– "Бакланья скала". Площадь основного здания – 284 м², западного и иных "блоков" строений – не менее 1500 м².

– "Генеральское-Западное". Площадь западного, северного и юго-восточного строительных комплексов равняется соответственно: 670, 1500 и 250 м². К этому надо добавить, что часть их разрушена береговой абразией, а часть (в западной части плато на вершине скалистого холма) составляла не менее 150 м². Весьма значительные пространства культурного слоя с находками того же времени и строениями имеются и у юго-западного подножья этого же холма, приблизительно в 400 м от основной части поселения, но как они соотносились между собой пока не ясно.

– "Казантип западный" (Мысовка)¹³. Раскопанная площадь с остатками строений превысила к настоящему моменту 700 м², при общей площади памятника не менее 3000 м². Не исключено, что вышеупомянутую усадьбу Андреевка-южная следует включить в эту же группу.

¹³ Казантипским отрядом ИА РАН под руководством к.и.н. И.М.Безрученко в течение последних нескольких лет были продолжены исследования на поселении Казантип-западный.

Несмотря на наличие некоторых общих элементов в планировке, все это совершенно индивидуальные объекты, гораздо более различающиеся между собой, чем пригородные усадьбы. Все они возникают не ранее второй четверти IV в. до н.э.; на рубеже третьей и последней четвертей этого же столетия частично перестраиваются и временно (или окончательно) покидаются их обитателями около конца первой трети III в. до н.э. На трех усадьбах выявлены остатки более или менее солидных оборонительных сооружений (большая толщина внешних стен, наличие башен, валов и рвов), следы военных действий, предшествовавших их оставлению. На трех памятниках (Генеральское-западное, Чокракский мыс, Бакланья скала) выделяются особенно монументальные или примечательные своей планировкой и находками части общей застройки. На первом из упомянутых раскопаны явно культовые сооружения и предметы (алтари, скопления терракот, жертвенные столы и т.п.), на большинстве – производственные комплексы (винодельни). На Генеральском-западном открыто специальное очень вместительное (до 400 т) зернохранилище, подвальные помещения. Однако, сопутствовавших бы им синхронных некрополей до сих пор не обнаружено. Отдельные, возможно случайные захоронения невидалье от самого известного из этих памятников – скорее исключения [Бужилова, Масленников 1999, с. 212-216; Раскопки ВКАЭ в 1993 г.]. Среди многочисленных и разнообразных находок доминирует амфорная тара, но много и чернолаковой керамики. Впрочем, она представлена на упомянутых объектах отнюдь не равным образом. Напротив, грубая лепная посуда встречается значительно реже гончарной. Отметим около 2000 амфорных и черепичных клейм, более полутора сотен боспорских монет, многие десятки фрагментов терракотовых статуэток и граффити. Иными словами, насыщенность культурного слоя здесь практически ничем не уступает городским напластованиям. Совершенно очевидно, что мы в данном случае имеем дело с особым рода античными сельскими центрами, скорее всего, принадлежавшими очень состоятельным и влиятельным хозяевам. Их земельные владения простирались далеко за пределы городской хоры и причем в самых удобных во всех отношениях местах полуострова. Таковыми на Боспоре IV-III вв. до н.э. могли быть только члены правившей династии Спартокидов или они сами [Масленников 1998, с. 66]. Письменная традиция, как будто бы также не исключает такого объяснения. Впрочем, возможно (хотя на наш взгляд и менее вероятно), и еще одно их истолкование: как коллективных усадеб, особого типа поселений, характерных для окраинных районов античной Ойкумены [Зубарь 1998, с. 102-116].

Поселения второй группы (тип два) пока выявлены и раскопаны в очень небольшом числе (одно – “Пустынный берег I” приблизительно в 2,5 км к западу от усадьбы “Генеральское-западное”). Однако находки соответствующего времени и иные археологические наблюдения позволяют надеяться, что они встречались в районе Крымского Приазовья значительно чаще, хотя распределялись по побережью неравномерно. Это очень небольшая (до 75 м²), изолированная жилая постройка, состоявшая из нескольких маленьких помещений с примыкавшими к ним, огороженными и частично вымощенными двориками. В сущности, это нечто вроде сельских ойкосов – домов (хозяйств) одной семьи. При всей внешней скромности таких строений их

планировочные принципы, характер находок, уровень строительного дела, черепичная кровля и другие признаки вполне оставались в рамках соответствующих античных (греческих) норм и традиций [Масленников 1998, с. 68-70].

Другой “малый” объект, отстоящий от предыдущего всего на 0,5 км (“Пустынный берег II”), скорее всего, имел в основном иное предназначение. Не исключено, что это был чисто производственный комплекс, включавший в себя солидную винодельню и сопутствовавшие хозяйственные и вспомогательные помещения. Постоянно здесь, видимо, не жили. Полностью этот памятник пока не раскопан.

Значительное удаление таких малых хозяйств от боспорских городов означает, что они “тяготели” к каким-то местным центрам (например, “Генеральскому-западному”). Быть может, их владельцами были мелкие “арендаторы” на государственных (царских?) землях. Примечательно, что вблизи второй из описанных построек (в 155 м к югу), на вершине скалистой гряды, обнаружены развалины довольно большой круглой (диаметром 11 м) сторожевой башни. Такое сочетание типично для прибрежных и островных греческих сельских поселений классического и эллинистического времени [Масленников 1998, с. 193-194].

Поселения третьей группы (тип три) – типичные селища, неукрепленные деревни. С учетом дальних окрестностей Феодосии [Масленников 1998, с. 72-89; Гаврилов 1998, с. 110-117; Гаврилов 1999, с. 6-9] их количество в настоящее время исчисляется почти тремя сотнями. Но они располагаются по полуострову не равномерно, а как бы скоплениями, которых можно выделить до полутора десятков. Это, вероятно, объяснялось как чисто природными факторами (водные источники, плодородные участки земли), так и компактным проживанием нескольких родственных групп варварского населения (аналогичная картина наблюдается и в отношении синхронных и территориально близких к ним могильников). Как правило, селища занимают южные склоны пологих холмов или ровные плоскогорья. Раскопками на нескольких из них в разные годы была вскрыта площадь от 60 до 850 м². “Кусты” жилых и хозяйственных строений, ям и маленьких зольных холмов-свалок были разбросаны хаотично на значительном пространстве (от одного до 50 га), на расстоянии в среднем 15-50 м друг от друга. Поскольку за последние годы новых раскопок здесь не велось, отсылаем читателей к уже неоднократно приводившейся нами археологической характеристике жилищ и находок с этих поселений. Их датировка для Восточного Крыма остается пока прежней: вторая четверть – середина IV – 70-е годы III вв. до н.э. [Масленников 1998, с. 86-88; Гаврилов 1999, с. 8-9]. Но напомним, что вне контекста культурного слоя на некоторых селищах найдены обломки амфор второй половины V в. до н.э. В отношении Феодосийской округи нижняя дата, возможно, несколько более ранняя. Есть свидетельства о двух строительных периодах в их истории и гибели хотя бы части селищ вследствие военных действий. На отдельных жизнь, по-видимому, продолжалась еще непродолжительное время. Варварская принадлежность их обитателей не вызывает сомнений.

Таким образом, несмотря на существенные и несущественные различия между всеми вышерассмотренными сельскими поселениями Европейского Боспора, в их

3 хронологии выделяются общие этапы. Это, скорее всего, явилось отражением серьезных внешних и внутренних потрясений и перемен. Конец первой трети III в. до н.э. вообще оказался трагичным по своим последствиям для всей боспорской хоры. Впрочем, выяснение возможных причин этой катастрофы [Марченко, Виноградов, Рогов 1997, с. 93-94; Мурзин, Ролле 2000, с. 216-219] не входит в задачу данной работы, хотя кое-какие новые материалы и здесь все же появляются. Эти негативные перемены в экономике, и в первую очередь в сельском хозяйстве Боспора, были вызваны наверняка несколькими факторами. При этом не все они обязательно действовали одновременно и, так сказать, непосредственно (военное нашествие, климатический или экологический кризисы). Экономика Боспорского государства, как известно, в очень большой степени зависела от стабильной и следовательно благоприятной ситуации на сопредельных варварских территориях. В случае нарушения этнодемографического равновесия, налаженные связи с неизбежностью рушились. Всякий раз требовалось известное время для их возобновления, но это были уже другие народы, обычаи, товары и условия. Отметим попутно, что все вышеописанное прекрасно иллюстрирует хозяйственно-бытовые реалии боспорской жизни, в том числе и знаменитый боспорский хлебный экспорт IV-III вв. до н.э. Впрочем, с последним в настоящее время связано немало остро дискуссионных высказываний и даже специальных работ (А.Н.Щеглов, С.Д.Крыжицкий, Н.А.Гаврилюк, В.Д.Кузнецов). В свете всего этого значение, вернее роль, собственно боспорской хоры, по нашему глубокому убеждению, существенно возрастает.

Следующий период местной истории охватывает вторую половину III, конец или рубеж II-I вв. до н.э. Число поселений резко сократилось, изменилась их типология, а территория распространения существенно сузилась. Теперь она охватывала вновь лишь окрестности городов и узкую полосу Азовского побережья (в отношении Черноморского – ситуация не вполне ясна).

4 Памятники хоры Пантикапея – это остатки усадеб северо-восточной зоны. На месте прежних построек в конце III или начале II вв. до н.э. сооружаются винодельческие комплексы, меняется планировка помещений и дворов. Со второй половины II в. до н.э. можно говорить об общей деградации и сокращении площади застройки. В середине первой половины I в. до н.э. эти усадьбы окончательно прекращают свое существование [Зинько 1999, с. 139-140].

На хоре Нимфея культурные слои этого времени выявлены только на малой части прежних поселений (Героевка I, Огоньки, Южное-Чурубашское). Усадьба на первом из них была оставлена жителями около середины II в. до н.э., а второе поселение прекратило свое существование в конце этого же века. Вблизи последнего из упомянутых поселений выявлены следы земельных наделов весьма посредственной сохранности [Зинько 1996, с. 16-17]. Аналогичная ситуация складывалась и на хоре Феодосии [Гаврилов 1999, с. 8-9].

Существенно выше наша информированность относительно дальней хоры. Неизменным остается мнение о том, что уже около середины III в. до н.э. здесь появляются поселения совершенно нового (пятого) типа – настоящие городища. Это

были хорошо укрепленные, компактные населенные пункты, построенные в естественно-защищенных местах Азовского побережья. Их характеристика также в целом остается прежней. Внутренняя планировка строилась по “линейному” принципу: ряды небольших, однотипных домов, состоявших из одного-двух помещений и двора, образовывали кварталы, разделенные узкими улицами и переулками. Террасная застройка усложняла общую картину, а для укреплений характерны мощные, но достаточно небрежно сложенные стены с бастионообразными выступами, а также рвы у подножья холмов. Эталонным памятником такого рода по-прежнему можно считать городище Золотое-восточное, площадью около 2 га [Масленников 1998, с. 90-92]. Однако, наше прежнее мнение о том, что вблизи него, на вершине господствующей над окрестностями горы находилось особое синхронное городищу укрепление, нуждается в корректуре. Вероятнее всего, здесь мы имеем дело еще с одним сельским “святилищем на вершине” [Масленников 1999а, с. 190-202].

Перечень поселений, где были выявлены слои и строительные остатки позднеэллинистического времени за последние годы вырос незначительно. Некоторые из них прекратили свое существование около рубежа II-I вв. до н.э. или немного позднее, другие пережив, по-видимому, периоды упадка и разрушений, подвергаясь перестройкам, сохранялись и в первых веках н.э.

Судя по данным археологии, в военно-политической истории региона в III-I вв. до н.э. имели место события, которые негативно отражались на состоянии хоры и судьбах местного населения. Другое дело, что не всегда в нашем распоряжении 4 имеются соответствующие письменные свидетельства. Так, какие-то процессы имели здесь место около 180 г. до н.э., но более глубокий кризис приходится на начальный период правления Митридата VI (для дальней хоры), середину первой половины I в. до н.э. (для хоры городов) и середину последней четверти этого же века.

Единственным раскопанным памятником собственно митридатовой эпохи (вторая четверть – середина I в. до н.э.) остаются пока постройки второго строительного периода на поселении у с. Ново-Отрадное. Это подпрямоугольная в плане усадьба (28x18,5 м) с частично выступающей квадратной башней в восточном углу. Последняя, вероятно, была жилой, а двор и прочие строения имели хозяйственное назначение. Кладка башни отличалась солидностью. Усадьба, возможно, пострадала от сильнейшего землетрясения 63 г. до н.э. Так или иначе, но она лежала в развалинах в течение нескольких лет [Кругликова 1998, с. 146-149]. Вопрос о последствиях этого разрушительного землетрясения, а равно и других аналогичных катаклизмов, можно считать на стадии интенсивного сбора археологической информации [Никонов, Винокуров 1998, с. 98-113]. В этой связи обращает на себя внимание давно замеченная особенность, которую наверное лучше всего передает русская пословица: “Пришла беда – отворяй ворота”. Иными словами, иногда в какие-то достаточно короткие хронологические периоды происходят самые разные негативные события.

По-видимому, именно к этому моменту местной истории относится свидетельство Страбона о полном обезлюдии и запустении Европейского Боспора и особенно Крымского Приазовья [Strabo., VII.4.5].

Длительный, богатый различными событиями этап, начавшийся в правление архонта, а затем царя Асандра и его ближайших преемников, всегда привлекал внимание исследователей. В целом, он охватывает время от последней трети - четверти I в. до н.э. до середины - третьей четверти III в. н.э.

На всей территории полуострова возникает (или трансформируется из прежних) целая сеть новых поселений. Их число существенно меньше, чем селищ IV-III вв. до н.э., но все же весьма значительно. Отметим, что, во-первых, это в основном касается так называемой дальней хоры. Во-вторых, комплексный анализ этих разнотипных (тип 2 и 5) населенных пунктов показывает, что все они (наряду с важнейшими сухопутными коммуникациями и полевыми пограничными укреплениями) образовывали единую военно-административную систему – особый вариант организации и защиты пространств государственной сельской территории. Именно она в немалой степени обеспечивала почти трехвековой период военно-политической и экономической стабильности Боспора [Масленников 1998, с. 178-181].

Относительно ближней хоры мы по-прежнему располагаем весьма скудной информацией, да и то лишь об округе Нимфея, и еще в меньшей степени – Феодосии [Зинько 1996, с. 19-20; Катюшин 1998, с. 24-32; Гаврилов 1998, с. 115-116]. Так, на дальних подступах к первому из упомянутых пунктов (примерно в 8 км) в I в. до н.э. возникает небольшое поселение, скорее форпост – Чурубашский маяк. Тогда же возрождаются поселения Героевка I, Тобечик I, Чурубашское и, видимо, активно осваивается территория к юго-западу от одноименного озера. Впрочем, нет оснований утверждать, что площадь Нимфейской хоры заметно расширилась по сравнению с эллинистическим временем. Зато ее западные пределы были, возможно, дополнительно укреплены отдельными сторожевыми башнями, стенами, каменными завалами, перекрывавшими проходы по балкам. Центральным узлом этой обороны было расположенное на скалистой возвышенности городище Чурубаш 2 с мощными стенами и особой цитаделью с башнями. К сожалению, крайне слабая археологическая исследованность всех этих объектов не позволяет судить ни об особенностях их планировки, ни о хронологии. Собственно, даже не ясно, относилось ли последнее к хоре Нимфея или входило в общепоспорскую (общегосударственную) “структуру”.

Хотелось бы особо обратить внимание на практически полное отсутствие следов пригородных, частновладельческих усадеб на хоре Пантикапея и других городов. Что это – чистая случайность (маловероятная при достаточно полном обследовании этих мест) или следствие глубоких, качественных перемен в поземельных отношениях на Боспоре с конца I в. до н.э.? Не стоит ли за этим исчезновение, по крайней мере в привычной для нас форме, следов полисного землевладения и соответственно – изменения в гражданском статусе части городского населения? Такой вывод сам по себе весьма ответственный, тем не менее, вполне имеет право на существование и должен быть всячески проанализирован.

Дальняя хора (прежде всего царские земли), напротив, представлена целой серией очень показательных памятников. Почти все они появляются в правление Асандра и состоят из отдельных сторожевых постов-башен вдоль пограничных рубежей и кое-

где на господствующих высотах и участках побережья (тип два); относительно небольших, подпрямоугольных в плане, иногда усиленных башнями фортов-крепостей на важнейших дорогах и особым образом укрепленных поселений-городищ [Масленников 1998, с. 179-181]. Последние во многом аналогичны тем, что были характерны для прибрежной зоны в III-II вв. до н.э. Но теперь они строились и в глубине полуострова. Новейшие раскопки мало что добавили к их характеристике. Вместе с тем, стало ясно, что так называемые башни около Узунларского вала однотипны, если не сказать полностью идентичны. Они были построены и разрушены в одно и то же время и действительно, хотя бы некоторые из них отстоят друг от друга на расстоянии примерно равном десяти стадиям. Таким образом, налицо наличие единого замысла и своего рода стандарта. Судя по находкам, эти скорее маленькие форты, чем собственно башни имели небольшие постоянные гарнизоны, возможно даже здесь жили семьями. В мирное время помимо охраны их обитатели могли заниматься и некоторыми промыслами, в частности рыболовством. Надо думать, такая система организации ближнего пограничья (подвижные, периодически сменяемые гарнизоны) при опоре на развитую сеть дорог и относительно удаленные крупные городища и гарнизоны, была в тот период наиболее рациональной.

Именно эти башни и укрепления упоминает Страбон (со ссылкой на Гипсикрата), говоря об успешных мероприятиях Асандра по защите боспорских границ [Strabo., VII,4,6]. Раскопки полностью подтвердили соответствующие хронологические совпадения. Выше уже отмечалось весьма вероятное наличие аналогичных “башен” и вдоль первой оборонительной линии: Ак-Монайского вала, по крайней мере ее южного участка¹⁴. Впрочем, являлась ли именно она в эту пору первой, полной уверенности нет. Вполне может быть, что таковая проходила еще западнее, непосредственно за современным Старым Крымом. Соответствующие археологические реалии и здесь как будто бы имеются. На юге, Черноморском побережье крайним пограничным пунктом, по всей видимости, была крепость, раскопанная в Куклакской бухте [Ланцов 1999, с. 121-122]. Примечательно, что и она была заброшена в то же время, что и исследованные форты у Узунларского вала. Наряду с прочими выявленными следами военных действий и разрушений на многих поселениях и даже городах Европейского Боспора, все это дает богатый материал для соответствующих исторических реконструкций [Масленников 1995а, с. 158-167; Болдырев 2000, с. 11-17].

Примером поселений следующего типа могут, видимо, служить полностью раскопанные постройки третьего и четвертого строительных периодов на Ново-Отрадненском поселении. Вначале они повторяли планировку предшествовавшей “усадьбы”, что говорит о сохранении прежних традиций и недолгом сроке запустения. Изменилась внутренняя застройка, и появилось с северо-запада и юго-востока два башнеобразных выступа. В таком виде эта скорее маленькая крепость, чем удаленная,

¹⁴ Хотя само существование Ак-Монайской оборонительной линии (вала и рва) можно считать локальным фактом [Масленников 1998, с. 218-219], башни, о которых писал П.Паллас все еще не обнаружены. Впрочем, соответствующих серьезных попыток никем, насколько известно, не предпринималось. Обследованные нами участки вала от Сиваша до Парпачского хребта отличаются крайне высокой сохранностью и нигде не содержат и намека на такие сооружения.

земледельческая усадьба, просуществовала до начала второй половины I в. н.э. [Кругликова 1998, с. 148-150].

Не менее показателен и второй пример из этой же группы: поселение на мысу Чокракского озера. Площадь его заметно сократилась и занимала теперь лишь среднюю часть мыса. Напомним, после непродолжительного перерыва основное монументальное здание – центр всего комплекса строений, было восстановлено в прежних размерах, но с изменениями во внутренней планировке. К нему в направлении с запада на восток, через проходы с маленькими башнями была пристроена основательная стена (толщиной до 2,8-3 м), пересекавшая таким образом весь мыс. К ней с севера примыкал ряд жилых и хозяйственных помещений (шириной около 6 м). Далее к северу, минуя относительно небольшое вымощенное пространство двора, был возведен вал и ров. Второй ров с проездом вырыли к югу, непосредственно перед описанной стеной и центральным зданием. Эта крепость просуществовала приблизительно до середины последней четверти I в. до н.э. и погибла в сильном пожаре [Масленников 1998, с. 231-233; Раскопки ВКАЭ в 1997-1998 гг.].

Следующий яркий пример – крепость в Куклакской бухте, на дальних юго-западных подступах к Боспору. Наличие посвященных этому памятнику публикаций избавляет нас от ее характеристики.

Некоторые из упомянутых поселений второй половины I в. до н.э. (сторожевые башни, "Полянка", Чокракский мыс, Куклакская крепость) более не восстанавливались. Большинство же уже вскоре оказались полностью перестроенными. Причем, с этого времени можно говорить о нескольких вариантах городищ двух основных разновидностей все того же пятого типа [Масленников 1998, с. 136-172].

К первой относятся поселения, основная, центральная часть которых располагалась на возвышенности, имела прямоугольные (почти квадратные) в плане очертания и была ориентирована стенами по сторонам света. Внутри, по периметру мощных стен размещались небольшие помещения и центральный двор. Вокруг этой "цитадели", иногда ограниченной еще и рвом, существовали другие строения, спланированные уже несколько по иному. В свою очередь они окружались еще одной, внешней линией обороны (вал, ров, стена с башнями). Вблизи городищ обязательно присутствуют большие зольные холмы. В зависимости от площади "цитадели" выделяются два варианта таких городищ. Первый (с площадью 600-850 м²) представлен такими памятниками, как Ново-Отрадное, Михайловка, Придорожное, Багерово-северное. Второй (с площадью центральной части около 1800 м² и более) встречается реже – Артезиан, Темир-Гора, Либкнехтовка¹⁵. Все это, скорее всего, крепости, укрепленные военные лагеря с сопутствовавшим "посадом", располагавшиеся на пересечении важных дорог или в иных, столь же примечательных пунктах. Их внешние различия вряд ли были случайными и, скорее всего, диктовались степенью значимости и численностью гарнизона. Начав строиться, видимо, еще при Асандре, они окончательно сформировались ко второй половине I в. н.э. и не исключено, как и в

¹⁵ Раскопки на городище Артезиан в настоящее время успешно продолжают под руководством к.и.н. Н.И.Винокурова [Винокуров 1998; Винокуров 1999, с. 39-76].

случае с известным Ивановским городищем (Илураг?), при содействии и под влиянием соответствующей римской военно-пограничной и фортификационной практики.

Вторая большая группа сельских поселений первых веков н.э. – типичные городища, в сущности, как уже говорилось, были продолжением местных (в том числе "позднескифских"?) предшествовавших традиций. Не изменилась и их характеристика, хотя, конечно, в облике оборонительных сооружений и жилых помещений определенные перемены в течение нескольких веков были неизбежны. В целом, сохранился линейный принцип планировки внутренней застройки, но, разрастаясь, она выходила за пределы основного холма, занимая пространства у его подножья. Это хорошо прослеживается на примере самых крупных из городищ данной группы.

Выводы о размерах, планировке и возможной реконструкции жилых помещений, сделанные в свое время И.Т.Кругликовой и нами на основании раскопок Семеновского поселения и некоторых других городищ Приазовья, остаются неизменными [Кругликова 1970, с. 76-81; Масленников 1998, с. 136-172]. Теснота, единообразие, унификация "интерьера" и при этом взаимосвязь с окружающим ландшафтом – вот характерные черты облика таких городищ. Дополним это обязательным наличием вблизи колодцев, а в ряде случаев – "загородных" святилищ (Сиреневая бухта, Генеральское-восточное, Зеленый мыс). По ряду археологических признаков среди всех боспорских сельских поселений рассматриваемого времени – это, пожалуй, наиболее связанные с соответствующими варварскими традициями. Не исключено, что их обитатели были весьма неоднородны в этнокультурном отношении (что отчасти подтверждается и материалами близлежащих некрополей), а по своему социально-правовому статусу напоминали военных поселенцев на царских землях. Кроме того, уже отмечалось, что и здесь выявляется достаточно четкая градация в зависимости от площади основной, наиболее укрепленной части городища. Вершину этой своеобразной "пирамиды" составляли такие, о которых уже достаточно сложно сказать: сельское ли это поселение или небольшой городок-крепость (Савроматий, Илураг, Белинское) [Масленников 1998, с. 132, 172; Зубарев 2000, с. 63-77]. Площадь их превышала 2-2,5 га. К тому же, как минимум одно из них (Савроматий), согласно найденной здесь надписи, основан был непосредственно по воле боспорского царя¹⁶.

На всех исследованных поселениях "римского" времени заметны следы более или менее значительных перестроек второй половины I в. н.э., начала и конца II в. н.э., середины III в. н.э. и, наконец – разрушений, подчас окончательных, третьей четверти того же века. Последнее относится практически ко всем городищам, кроме, пожалуй, лишь восточной части Приазовской зоны. Это не значит, что жизнь повсеместно прервалась сразу и навсегда. Судя по археологическим находкам, некоторые поселения были отчасти обитаемы в течение, по крайней мере, IV в. н.э. [Кругликова 1974, с. 144-152; Кругликова 1998, с. 162]. На большом городище у села Белинское жизнь непрерывно продолжалась до первой половины V в. н.э. [Зубарев

¹⁶ Имеется в виду фрагмент надписи-декрета, приписываемого Савромату II, найденный на большом городище первых веков н.э. близ бывшей деревни Пиалы-Сарай [КБН. № 970, с. 55]. Впрочем, восстановление этого текста остается спорным.

2000, с. 70-76]. А на городищах Золотое-восточное (в бухте), Куль-Тепе (западное), Генеральское-восточное, Салачик, Зеленый мыс, Сиреневая бухта и мыс Зюк последствия готских нашествий были, видимо, еще менее катастрофичны или быстро ликвидированы. Во всяком случае, они функционировали, на наш взгляд, без заметных временных лагун и кардинальной перепланировки, хотя и с перестройкам, вплоть до третьей четверти (или даже конца?) VI в. н.э. Правда, с юстиниановской эпохой здесь связаны следы временных разрушений и последующего строительства, но все прочие позднеантичные традиции хозяйства, быта и строительного дела сохранялись [Масленников 1998, с. 172-178, 262-267; Мокроусов, Сазанов 1996, с. 88-107; Сазанов, Мокроусов 1999, с. 167-223]. Соответствующий анализ сопутствовавших некрополей также не свидетельствует о полной смене этносов и культур [Масленников 2000, с. 136-200].

5 Что же касается городских окрестностей, то лишь на хоре Нимфея мы имеем пока материалы позднеантичного времени (конец III-VI вв. н.э.). Так, на поселении Героевка 2 открыта усадьба с хозяйственным двором (10x3 м) в центре, подсобными (в южной) и жилыми (в северной) частями помещениями. Ее стены в основном глинобитные. Не исключено, что широко использовались деревянные конструкции. Заметным элементом интерьера была довольно большая печь сложной конструкции. Несомненно зерновая направленность хозяйственной деятельности ее обитателей. Гибнет усадьба в сильном пожаре, причем в слое его обнаружена византийская монета VI в. н.э. [Зинько 1996, с. 19-20].

По-видимому, только тюркское нашествие окончательно разрушило античную систему землепользования и землеустройства вместе с ее основными демографическими элементами (поселениями), хотя не исключено, что кое-где жизнь еще и теплилась несколько десятилетий спустя. Но вопрос об аграрных античных традициях у местного населения Восточного Крыма в эпоху раннего и зрелого средневековья пока, насколько нам известно, никем серьезно не ставился.

В заключение считаем необходимым оговориться, что поскольку цель данной работы в значительной мере информативная, мы сознательно избегали привлечения всевозможных Северопричерноморских и более отдаленных аналогий, хотя таковые безусловно имеются.

ЛИТЕРАТУРА

- Безкровный И. Древний вал и шоссе вдоль Керчи // ЗООИД. Т.IX.
 Безрученко И.М., Масленников А.А. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. 1991. № 204.
 Болдырев С.И. О характере пребывания Полемона I на Боспоре // Древности Боспора. 2000. Т. III.
 Бужилова А.П., Масленников А.А. Военные травмы античного времени. О двух примечательных антропологических находках из Крымского Приазовья // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1999. Т.VIII.
 Виноградов Ю.А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum plus. 1999. № 3.
 Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998.

- Винокуров Н.И. Раскопки городища Артезиан в 1997-1998 гг. // Древности Боспора. 1999. Т.II.
 Гаврилов А.В. Новые данные о сельской округе античной Феодосии // Археология. Киев, 1998. № 1.
 Гаврилов А.В. Сельская округа Феодосии в V-II вв. до н.э. // Автореф. канд. дис. Киев, 1999.
 Гаврилов А.В. Новые находки античных монет в юго-восточном Крыму // Боспор Киммерийский. На перекрестке греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.
 Гайдукевич В.Ф. Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорский город. Л., 1981. т.II.
 Горончаровский В.А. Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. Тезисы. Одесса, 1996.
 Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып.V.
 Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI-V вв. до н.э. // Древности Боспора. 1998. Т.I.
 Зинько В.Н. Античная сельское поселение близ Мирмекия // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т.III.
 Зубарев В.Г. Античное поселение у с. Белинское // Древности Боспора. 2000. Т. III.
 Зубарев В.Г., Масленников А.А. Историческая география Восточного Крыма по Клавдию Птолемею // СА. 1987. № 3.
 Зубарь В.М. Об атрибуции коллективных усадеб раннеэллинистического времени // ВДИ. 1998. № 4.
 Катюшин Е.А. Феодосия, Каффа, Кефе. Исторический очерк. Феодосия, 1998.
 Клюкин А.А. Абразия берегов Керченского полуострова в XX в. // География и природные ресурсы. 1998. № 1.
 Корпусова В.Н. О населении хоры античной Феодосии // Археология. Киев, 1972. № 6.
 Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. Греческая колонизация Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
 Кругликова И.Т. Раскопки поселения у д. Семеновка // Поселения и могильники Керченского полуострова первых веков н.э. МИА. 1970. № 155.
 Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1974.
 Кругликова И.Т. Поселение у д. Ново-Отрадное // Древности Боспора. 1998. Т.I.
 Кузнецов В.Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. 1991. № 204.
 Кузнецов В.Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // Боспорский сборник. М., 1995. № 6.
 Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинионе Псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1.
 Марченко К.К., Виноградов Ю.А., Рогов. Е.Я. Сарматы и гибель "Великой" Скифии // ВДИ. 1997. № 3.
 Масленников А.А. К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 2.
 Масленников А.А. Зенонов Херсонес – городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
 Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу // РА. 1994. № 4.
 Масленников А.А. Каменные ящики Восточного Крыма. М., 1995.
 Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995а. № 6.
 Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998.
 Масленников А.А. Греки и варвары на границах Боспора (Взгляд на проблему к концу тысячелетия) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997. М., 1999.
 Масленников А.А. Сельское святилище на вершине горы Сююрташ в Восточном Крыму // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1999а. Т.VIII.
 Масленников А.А. Грунтовые некрополи сельских поселений Карларского побережья (Восточный Крым) первых веков н.э. // Древности Боспора. 2000. Т.III.
 Махнева О.А. Эллинистическая усадьба в восточной части Крыма // Проблемы античной культуры. Тезисы. Симферополь, 1988.
 Мокроусов С.В., Сазанов А.В. Поселение Золотое-Восточное в бухте: опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1996. Т.III.

- Мурзин В.Ю., Ролле Р. Гибель Великой Скифии и царь Атей // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. Сб. статей. М., 2000.
- Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) // РА. 1998. №3.
- Никонов А.А., Винокуров Н.И. О следах землетрясения античного времени на западе Европейского Боспора // РА. 1998. №4.
- Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М., 1980.
- Паллас П.С. Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань // ЗООИД. 1883. Т. XIII.
- Паромов Я.М. К вопросу об уровне моря у берегов Таманского полуострова в античную эпоху // VI научные чтения памяти проф. В.Д.Блаватского. Тезисы. М., 1999.
- Сазанов А.В., Мокроусов С.В. Некоторые предварительные данные о хронологии поселения Зеленый Мыс (Восточный Крым) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1999. Т. VII.
- Сокольский Н.И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.
- Федосеев Н.Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. Керчь, 1999. Т.3.

MASLENNIKOV A. A.

RURAL SETTLEMENTS OF EUROPEAN BOSPOROS (SOME PROBLEMS AND RESULTS OF RESEARCH)

Summary

The aim of this article is to sum up some results of recent intensive study rural territory of European Bosporos. At first, spatial – temporal limits, the notion of “rural territory” and different types of archaeological objects met on chora are given. An archaeological notion “settlement” is under a special consideration. There are 5 types of settlements. Each type is connected with a definite historic epoch and territory, to a certain extent. It is common to divide a whole Bosporos chora into a close (city) and a remote ones. Only the neighbourhood of Nymphey and, to a certain extent, Theodosia may help in judging on peculiarities of the structure and history of city chora. The monuments of Azov seaside can help judge on a remote chora.

Several periods are set in the history of Bosporos chora and accordingly in the evolution of rural settlements:

the last third of the 6th century – the first quarter of the 5th century BC

the second quarter of the 5th – the beginning of the 4th centuries BC

the second half of the 4th – the first third of the 3rd centuries BC

the second half of the 3rd – the border of the 2nd – 1st centuries BC

the 1st century BC

the last quarter of the 1st – the mid-3rd centuries AD

the end of the 3rd – 6th centuries AD

For each period brief information on known rural settlements in European Bosporos is given.

Т.А.МАТКОВСКАЯ

МУЖСКОЙ КОСТЮМ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА
ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н.Э.

(по материалам керченского лапидария)

Культура Европейского Боспора формировалась под значительным воздействием эллинской и восточной культур. Здесь были созданы свои школы живописи, скульптуры, построено множество архитектурных сооружений, отвечающих вкусам местного населения. К области материальной культуры относится и костюм. В нем отразились процессы, происходящие в культуре данного региона.

Костюм представляет собой ансамбль, состоящий из одежды, обуви, головного убора. Наряду с жильем он является средством защиты от воздействий внешней среды. Это также и вид декоративно-прикладного искусства, где объектом творчества является человек. В создании образного решения костюма используются различные средства: учитывается архитектура, принципы симметрии, асимметрии, контраст, ритм. Принимается во внимание масштабность, соразмерность одежды, ее частей по отношению к человеку. Немаловажное значение имеет материал: его фактура, цвет, рисунок. На формирование костюма влияют природно-географический фактор, образ жизни, религиозные представления, этические и эстетические нормы.

Источниками по изучению боспорского костюма могут служить как нарративные свидетельства древних писателей, так и памятники материальной культуры, в том числе и изобразительное искусство.

Наиболее информативной является скульптура. Это относится, прежде всего, к надгробным статуям и рельефным композициям со сценами из местной жизни. В круглой скульптуре детально проработаны лицевая и боковые стороны. Фигурные сцены на стелах выполнены в высоком рельефе, который дает хороший обзор. Свои произведения скульпторы создали в стиле, который мы можем назвать наивным реализмом. Они с документальной точностью передали мельчайшие подробности, что и придает им ценность как источнику.

Достаточно подробно прорисована одежда в произведениях торевтики, на терракотовых статуэтках. Однако они, чаще всего, воспроизводят известные статуарные типы греческой скульптуры в традиционных одеяниях. Для нас интересны лишь те изображения воинов, всадников, мужских фигур в домашней обстановке, которые демонстрируют местный костюм.

Боспорская монументальная живопись дает представление о расцветке тканей.